

Б.Г. Соколов (Санкт-Петербург)
Мифическая топология текста

Вопрос о реальности, в которой живет философский текст. Как, впрочем, любой текст. Свою жизнь текст обретает не столько тогда, когда он написан, но в тот момент, когда становится текстом-для-другого. Этот другой – читатель – изначально вписан в сам проект текстовой манифестации автора. Это – азбучная истина и для нас служит лишь отправной точкой.

Итак, момент встречи с читателем, без которого нет текста, т.е. это событие изначально вписано в сам проект создания текста. В этом он ничем не отличается от произведений искусства. Поскольку момент встречи с читателем, всегда отложенный в будущее и могущий состояться в любом пространстве, где соединятся читатель и текст, вписан в сущность текста, то и проективная мультиплицирование в пространстве и времени являются изначальной и сущностной характеристикой текста.

Теперь поставим вопрос о локализации текста. Где и когда он существует? Текст – это мультиплицированная сущность, в каждой своей ипостаси пребывающая в полной тождественности: различные издания, тысячи экземпляров одного и того же издания, переводы и т.п. репрезентируют один и тот же текст. Он един во многих «лицах». Он – в момент встречи. А эта встреча изначально мультиплицирована, по крайней мере в самом проекте и «проективной», проброшенным в пространство, время и различные культурные контексты самой внутренней интенцией текста. Этим текст «немного» отличается от рукописи, которая, которая не рассчитана на читателя и встречу, а может быть рассмотрена как медиальная среда к самому тексту. Текст, таким образом, изначально мультиплицирован, и эта мультипликация не дает возможности локализовать его также как локализуется в пространстве и времени сингулярный предмет. Образно говоря, текст не существует нигде, или вернее его существование – чисто эйдетическое существование, поскольку лишь в момент его чтения – т.е. в эйдетике понимания – осуществляется его бытие. Он в этом отношении тождественен вне пространственной и временной локализации и изначально тождественен в своей нетождественной мультиплицированности. И дело, понятно не в том, что существует некий изначальный текст, обладающий статусом платоновской идеи, а любое его прочтение лишь «бледная» и отягченная телесностью и временностью копия. Как раз наоборот именно эта копия, которую читает и продумывает читатель, является в полной мере этим самым изначальным текстом. Причем этот изначальный текст существует не раньше, чем он начнет «потребляться» читателем. Встреча с читателем формует сингулярность текста, ограниченную бездонностью разрывов.

Таким образом, каждый читающий текст оказывается топосом, в котором он поселяется полностью и без остатка. Но тогда как совместить два, а то и более прочтения, происходящих в разное время, в разной пространственной точке земного шара? Ведь все они являются полностью аутентичным текстом? Текст, грубо говоря существует совершенно в другом пространственно-временном измерении, чем обычные вещи и предметы. Он существует в топологии, которая тождественна мифическому выстраиванию пространства и времени. Для этого воспользуемся выводами К. Хюбнера, попытавшегося определить мифические пространство и время и способ существования в них объектов. Выделим некоторые моменты вслед за К. Хюбнером. Прежде послушаем то, что он говорит о том, что можно назвать мультиплицированной идентичностью:

«...мифические субстанции как нуминозные индивидуумы могут находиться одновременно во многих местах... они при этом могли сохранять свою идентичность. Одни и те же *архе* во «многих местах являются, в сущности говоря, тем же самым *архе* в том же самом месте» [Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. С.149]. Речь идет о следующем: «Было много мест, где родился Зевс, много мест, где Афина явилась на свет, много местностей, откуда была похищена или куда возвращалась Персефона» [Хюбнер, 1996. С.149]. Мифическое пространство и время имели иную структуру и топосы их локализовались с точки зрения «обычной» пространственно-временной локализации противоречивым образом: одна и та же нуминозная сущность являлась тождественной и единой, будучи разделенной в «профанном» мире на мультиплицированное множество. Время также оказывалось иным, его течение было похоже на вторжение в разрывы профанного времени, при этом его размерность не совпадала с профанной однонаправленной размерностью от прошлого к будущему.

Если сравнить способы мифического конституирования и то, что мы отметили в отношении текста, то мы увидим много тождественного. Прежде всего подобно нуминозным сущностям (ими Хюбнер именует не только богов, но и такие «образования» как *тимос*, *архе* и т.п.), которые «вторгаются» в профанный мир и «поселяются» в реальные предметы или живые существа, текст также обладает реальным бытием лишь в момент «поселения» в читающем, т.е. в тот момент, который мы именовали встречей с читателем. Как и нуминозные сущности текст тождественен в своей мультиплицированности и инаковости с точки зрения «профанной» локализации. Он нигде, но, одновременно повсюду, где состоится встреча-вторжение. Наконец вневременность, совпадение горизонтов времен (прошлое оказывается в настоящем, а настоящее насыщается прошлым и т.п.) также характерны для нашего постижения сущности текста и это совпадает с мифическим временным конституированием.

Что же нам говорят эти совпадения и это тождественность? По нашему мнению речь идет не столько о сохраняющихся наподобие реликтовых зон способов постижения и конституирования определенного рода сущих как в античном мире, так и в современной реальности, причем в той части современной реальности, которая безоговорочно претендует на предельную научность и рациональность. Дело заключается, скорее всего в том, что мифический пласт сознания не является необходимой составляющей нашего сознания.

Соответственно попытки «борьбы» с ним, или, скажем, с тесно связанным с ним религиозным пластом, похожи на попытку рубить сук, на котором сидишь: ликвидация этого пласта не только невозможна (ибо исчезнет сам фундамент и скрепы структуры современного сознания), но и даже нежелательна.

И последнее замечание. В мифической топологии разворачивается не только текст как таковой. В этом же измерении существуют многие произведения изящных искусств, например музыка или литературное произведение. Они также не могут быть локализованы с помощью «традиционных» сеток пространственно-временных координат и обладают тождественностью в мультиплицированности в различные пространственно-временные плоскости.